

УДК 342. 843:93 (470.24) "04/14"

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РАСПРИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСЛАНДИИ

А.Т.Горобенко

LEGAL ASPECT OF FEUD IN MEDIEVAL ICELAND

А.Т.Gorobenko

Гуманитарный институт НовГУ, agorobenko@gmail.com

Анализируются распри, причины ее возникновения, правовое регулирование, последствия, отличительные признаки в исландском обществе. Также рассмотрен правовой статус распри после присоединения Исландии к Норвегии. Вывод, что несмотря на то что, исландское общество средних веков основывалось на распре, оно также имело много сдерживающих факторов, которые предотвращали возникновение конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: *средневековая Исландия, распря, кровная месть, годи, бонды, тинги, Альтинг*

The paper discusses the problem of feud in medieval Iceland. The author analyzes the reasons of feud's appearance, its participants, legal regulation and consequences. The author ascertains specific features of feud and blood feud in Icelandic society. In addition to this, the author considers the legal status of feud after Iceland's annexation to Norway. The result analysis of legal theorists works shows that in spite of society's feuding nature in medieval Iceland, it also had several restraining factors that helped to prevent conflicts.

Keywords: *medieval Iceland, feud, blood feud, gothi, bondi, things, Althing*

Распря — частый предмет изучения историков и правоведов. Являясь одним из составляющих элементов древнего, а затем и средневекового мира, распря выступала в качестве регулятора социальных и политических столкновений интересов. Распря — это взаимные акты жестокости, направленные на достижения возмездия. В странах средневековой Европы к ней зачастую прибегали как к единственному способу защиты своих интересов и прав. Благодаря исследованиям в области юридической антропологии, начатые в 1970х годах и продолжающиеся до сих пор, средневековая Исландия признана ярким примером общества, где широко практиковалась распря как разрешение конфликтов. С 930 по 1262 год Исландия была децентрализованным государством и несмотря на то что, в стране существовали законы и государственные институты, такие как тинг и Альтинг, не было какой-либо единой силы, которая могла бы контролировать самоуправство и защищать пострадавших от этого самоуправства людей.

Для того чтобы перейти к рассмотрению и выявлению особенностей распри в средневековой Исландии, необходимо немного рассмотреть саму структуру этого общества.

Главными источниками информации о том периоде стали «Книга об исландцах» (Íslendingabók) и

«Серый Гусь» (Grágás). Согласно этим источникам заселение острова произошло в 870-930 годах. Норвежцы стали основным народом, который заселил этот остров. В отличие от других скандинавских стран, где обществом управляли конунги и ярлы, в Исландии не было единого правителя. Государственные дела решались на древних аналогах парламента - тингах и альтингах. Всеобщее собрание — альтинг, было впервые проведен в 930 году. На нём также были приняты первые исландские законы, которые в свою очередь являлись ни чем иным как переделанные под нужды переселенцев норвежские законы. Стоит отметить, что норвежское право быстро адаптировалось под новое общество и успешно развивалось. Альтинг проводился раз в год, на котором собирались годи (крупные землевладельцы) и их тинговые (или иначе говоря «бонды» — простые землевладельцы) [1]. Годи были обязаны защищать и помогать своим тинговым, тогда как тинговые должны были поддерживать своих годи на тингах и альтингах, а также были так называемой военной силой годи. Эта взаимопомощь являлась, по мнению многих ученых, основой исландского общества. Сама же природа государственного устройства средневековой Исландии, по крайней мере, до потери независимости во второй половине XIII века до сих пор спорно. Ещё до недав-

него времени в научном мире считалось, что исландское общество на заре своего развития было примитивным. Его рассматривали как родоплеменное общество, однако это не совсем соответствует действительности, так, как теперь известно, что взаимоотношения между годи и его тинговыми были намного сложнее, чем, кажется на первый взгляд. Отсутствие единого правителя, установленных мер принуждения и контроля, но вместе с тем наличие института представительства, судебной и законодательной власти в лице Альтинга говорит о том, что данное общество было средневековым видом современной республиканской формы правления.

Другая черта средневекового исландского общества заключалась в том, что оно было пронизано связями кровного родства. Поэтому неудивительно, что распри возникали очень часто на индивидуальном и семейном уровне и порой охватывала полстраны. Андреас Хойслер, изучив упоминания в исландских сагах, пришёл к выводу, что конфликты часто решались путем переговоров и соглашений, не обращаясь к закону «Серого Гуся» [2]. Однако из-за несоответствия между законом и действительностью саг, исследование Хойслера подверглось критике. Саги долгое время не рассматривались как серьёзный источник для изучения исландской права. С приходом в науку антропологического метода отношение к сагам было пересмотрено. Изучение конфликтов в других средневековых обществах, таких как французское общество в 900-1200 годах, косвенно доказало слова А.Хойслера о том, что конфликты регулировались самими его участниками.

После этого началось новое переосмысление исландских саг как зеркала обычаев и традиций средневековой Исландии, а именно период X-XIII веков. А.Гуревич был одним из первых, кто применил антропологический метод к сагам. С помощью саг он рассматривал такие темы как богатство и традиция обмена подарков в Исландии [3]. М.И.Стеблин-Каменский рассматривал ценность саг больше с литературной и лингвистической точки зрения, его работы лучше помогли понять мир саг [4]. Британский ученый В.Тернер обратил своё внимание на так называемые “*húskarlavíg*” — «убийства прислуг» в саге о Ньяле, применяя антропологический метод вместо сравнительного метода, который долгое время был главным среди методов в науке [5]. Сагами постепенно начали интересоваться правоведы и историки. Их невозможно было обойти стороной, так как большинство саг описывают самые крупные конфликты и распри, которые происходили в средневековой Исландии. В 1980-х годах концепт распри стал широко известен благодаря двум американским ученым Дж.Байоком [6] и У.Й.Миллером [7]. Анализируя конфликты, описанные в «Сагах об Исландцах», где причиной была распря, Байок и Миллер выяснили, как достигалось мировое соглашение во время конфликтов. По словам ученых, распря была результатом мести. Никто не имел полного контроля над какой-либо территорией. Главное значение распри — это восстановить попорченную честь и снова установить потерянный статус-кво. Как и с обменом подарков,

распря была взаимным актом. Интересно, что согласно Байоку и Миллеру, распри происходят только между равными по статусу людьми. То есть, годи конфликтовали с годи, тинговые с тинговыми. Если же тингового оскорбил другой годи, то тинговый будет просить помощи у своего годи. Годи, чьи тинговые находились в состоянии конфликта, должен был разрешить его мирными методами до того, как конфликт перерастет в распрю. Можно сказать, что распря существовала как мера замирения с точки зрения права. Ученые сумели доказать, что средневековая Исландия, где зачастую были распри не были анархичным по своей природе, могло успешно существовать при отсутствии какой-либо централизованной власти. Однако стоит учитывать и тот факт, что в после присоединения Исландии к Норвегии, распри в Исландии продолжали существовать долгое время, ученые не смогли до конца объяснить.

Особенностями исландской распри является то, что они не всегда происходили между семьями или годордами (земельные владения годи), но и между индивидуумами, но общество не было заинтересовано в долговременных конфликтах между отдельными людьми. Это объясняется тем, что в Исландии не было ни армии, ни полководцев, которые могли в любой момент могли направить людей в бой. Удаленность друг от друга, а также плохие климатические условия мешали заключать долгосрочные союзы с целью разгромить соперника. Таким образом, конфликты, где стороны были одержимы мстью во имя чести и достоинства через какое-то время утрачивали своё значение и завершались мирным соглашением.

Важно отметить, что исландская распря не всегда была связана со смертью. Она могла быть многолетней неприязнью одного годи к другому, или же бонда к другому бонду. Оскорбления, грабежи и насилие, телесные повреждения, убийства — всё это может характеризовать распрю. Стоит заметить, что исландское общество всегда стремилось к достижению компромисса. То есть, если существовал шанс избежать кровопролития путем выплаты материальной компенсации или виры, то исландцы выбирали именно мирное урегулирование проблемы. Для этого существовал сложный институт представительства, в котором представителями обычно выступали независимые, не вовлеченные в конфликт годи. В доказательство этой точки зрения Э.Л.Питерс приводит в пример племена бедуинов из северо-восточной Ливии «Распри в Ливии возможны потому, что каждый человек относит себя лишь к одной четко определенной группе, отличной от всех других. Число таких групп невелико, и в силу ясного осознания своей социальной принадлежности члены каждой из групп могут позволить себе отказаться от компромиссов» [8]. Не следует путать распрю с кровной мстью, где в отличие от первой, происходила длительная серия убийств с обеих сторон. Конечно, в Исландии также случались и долгие кровные мести, но они упоминаются в сагах намного реже и имели несколько другие отличительные черты о которых будет рассказано позже.

Существовало несколько причин возникновения распри с кровной мстью, которые были типичны

для всех обществ, где возникали конфликты, и основными причинами являлись: раздел территории, конфликты интересов, конфликты внутри семьи. Несомненно, поводами для распри могли послужить и такие человеческие пороки как алчность и ревность, сумасшествие, скука. Стоит обратить внимание на то, что проблема территориального раздела несколько отличается от территориальных конфликтов обществ, где практиковались распри. В средневековой Исландии не было чётких границ у земельных владений годи. Оборонять такие территории было очень сложно и требовало крупных денежных затрат, поэтому годи не были заинтересованы в долгой распре. Споры, возникавшие по поводу прав на земельную собственность, также возникали довольно часто. Несмотря на то, что ни в каких письменных источниках не были зафиксированы границы земельных участков, каждый знал, чей участок кому принадлежал. Поэтому захват земли считался незаконным и рассматривался как повод для начала распри. Исландский закон гласил, что человек, «посягнувший на чужую землю лишался защиты закона (делался *ohelgr*, т.е. «неприкосновенным») и мог быть безнаказанно убит, если его застигли на этой земле» [9]. Но и это не всегда влияло в кровавую бойню. Годи, права которого были нарушены, мог подать иск на рассмотрение его на очередном Альтинге. Конечно, обеим сторонам необходимо было найти союзников и представителей, чтобы дело было быстро рассмотрено и суд бы вынес решение, удовлетворяющее всех сторон дела. Всё это говорит о том, что исландцы были всегда открыты для мирного урегулирования распри.

Распри, появляющиеся на почве столкновения интересов внутри семьи или же между семьями являются, пожалуй, самыми сложными и спорными. Это объясняется тем, что средневековый исландец мог относиться сразу к нескольким группам или родам. Например, дети принадлежали одновременно к семье матери (если она вышла замуж за мужчину из другого рода) и к семье отца, причем эти семьи могли находиться на разных концах страны, тем самым усложняя родовые связи и отношения между семьями. В таких ситуациях распря проходила в несколько этапов. Всё могло начинаться со взаимных оскорблений, затем могло применяться насилие. Парадоксально, но это резко снижало возможность того, что оно будет применяться в дальнейшем. Интересно и то, что выставление вооруженных отрядов зачастую было только лишь напоказ и означало, что стороны вполне готовы подписать мировое соглашение. Всё заканчивалось выплатой виры — материальной компенсации одной стороны другой. Вира обычно представляла из себя определенной суммой денег. Конечно, денежные обязательства по завершении распри могли быть огромны, поэтому в Исландии существовало негласное правило «Убивай лишь столько людей, за скольких сможешь расплатиться» [10]. В средневековых обществах, где часто происходили распри, принятие виры как мера предотвращения кровной мести считалось бесчестьем. В Исландии же вира являлась знаком того, что общество не было охвачено постоянной жаждой мести и жестокостью. Исландцы приветствовали

умеренность и ясность разума при решениях проблем, и выплата виры, безусловно, являлось признаком достаточно развитого общества.

Исландцы заимствовали уплату виру у норвежцев. Разница между исландской вирой и норвежской заключалась в том, что в первом случае она взималась по обоюдному согласию сторон, тогда как в Норвегии виру выплачивали под влиянием правителя — конунга, который мог благоволить одной из сторон распри. Вира в Исландии была самостоятельным решением сторон, участвовавших в распри. Ещё одним достоинством виры было то, что годи, выступали ли они в качестве одной из сторон или же были третьим лицом, могли увеличить не только свои финансовые накопления, но и повышали свой политический и социальный статус среди населения острова.

Исландия постоянно была в поиске новых способов урегулирования конфликтов. В начале XI века был введен апелляционный суд и были запрещены поединки на Альтинге. Также существовал ещё один метод предотвращения распрей, а именно разделение убийства на публичное и тайное. Если человек, совершивший убийство, незамедлительно объявлял об этом публично, то он оставался под защитой закона. Признание публичного убийства не вело к кровной мести, его учитывали при рассмотрении дела в суде, хотя оно, конечно же, могло повлиять на процесс мирения сторон. Человек, совершавший тайное убийство, не оставался под защитой закона. Совершение такого убийства считалось постыдным поступком. Высшей мерой наказания для преступника было изгнание из страны. Такое наказание считалось хуже смертной казни, так как он терял статус исландца, поэтому за убийство такого человека не нужно было платить виру. Это было серьезной мерой предотвращения убийств с последующей после них возможной распрей. Постыдным также считалось наносить вред женщинам. Здесь следует заметить, что, несмотря на то, что женщинам нельзя было причинять вред, они сами не могли в открытую мстить обидчику. Дело в том, что женщинам не разрешалось участвовать в судах и политической жизни страны, и тем самым они не участвовали в распрах. Да, они могли выражать своё мнение через своих представителей-мужчин (которыми могли быть мужем, братом, отцом и т.д. женщины) на судах и выборах. Однако это не значит, что они не могли быть подстрекателями и косвенной причиной возникновения распри. В «Саге о людях из долины Лососьей реки» наглядно показан пример того как, женщина недовольная результатом распри, то есть заключением мира, хотела, чтобы убийца её сына был мёртв. Ей удалось убедить своих оставшихся сыновей на ответное убийство, тем самым запустив механизм кровной мести на долгое время. Интересен тот факт, что обе семьи в конечном итоге всё равно пришли к мирному разрешению конфликта, то есть выплате виры.

Ещё одна категория людей, которая была под защитой закона от возможной распри — это дети. Выжившим мальчикам давали право мстить за своих убитых членов их семьи, что чаще всего они и делали [11].

Таковы были правовые особенности исландской распри на протяжении нескольких веков. Что же произошло с традицией распри после присоединения Исландии к Норвегии? Вместе с присоединением пришла новая идеология. Законы Альтинга теряют силу, вместо них приходит новая доктрина — законы короля как проявление воли Божьей. Исландии пришлось также принять новый норвежский свод законов — *Jónsbók*, который значительно отличался от “*Grágás*”.

Норвежский король хотел положить конец распрям, которые стали привычны для жителей острова. Согласно новым законам, такое преступление как убийство, перестало быть частным, оно стало публичным преступлением против короля, коим никогда не являлось в Исландии до этого. Поэтому люди, совершавшие убийства, отвечали за своё преступление перед представителем короля в Исландии. Они объявлялись вне закона, но, если занимали достаточно высокое положение в обществе, то король мог их помиловать с последующим заключением мировой с родственниками убитого ими человека. Любопытно, что король хоть и был заинтересован в прекращении традиции долгих распрей, но всё же усматривал возможность решения конфликтов таким способом. Например, если к конфликту невозможно было применить ни одного существующего закона или же пострадавшая сторона отказывалась от материального возмещения нанесенного ущерба, то допускалось разрешить проблему «одноразовой» кровной мстью [12]. Всё это говорило о том, что сам король не мог полностью следовать своей доктрине.

Следует сказать, что спустя годы после присоединения Исландии к Норвегии, норвежскому королю так и не удалось окончательно искоренить распри из жизни исландцев. Несмотря на то что, исландцы приняли присягу подчиняться норвежскому королю и новым законам, на локальном уровне многие конфликты по-прежнему решались с помощью взаимного нанесения ущерба.

Такое явление как распря в средневековом обществе не уникально и практиковалось повсеместно по всей Европе. Исландия, являясь обществом «чести и достоинства», не было исключением. Однако в отличие от континентальной Европы, где затяжные распри отбрасывали развитие страны назад, исландское общество смогло выжить несмотря на суровый климат и возникающие конфликты, но и сделало распрю и кровную мсть своего рода сдерживающими факторами, которые предотвращали совершение актов насилия среди населения.

1. Sigurðsson J. Chieftains and Power in the Icelandic Commonwealth. Odense, 1999. P. 10.
2. Hausler A. Das Strafrecht der Isländersagas, Leipzig, 1911. 246 p.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984. 320 с.
4. Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Ленинград, 1971. 246 с.
5. Turner V. An anthropological approach to the Icelandic saga. London, 1971. P. 349-379.
6. Byock J. Medieval Iceland: Society, Sagas and Power. Berkeley, 1990. 264 p.
7. Miller W. Bloodtaking and Peacemaking, Chicago, 1990. 415 p.
8. Peters E. Some Structural Aspects of the Feud among Camel-Herding Bedouin of Cyrenaica // Africa: Journal of the International African Institute. 1967. Vol. 37. № 3, P. 261-282.
9. Байок Л. Дж. Исландия эпохи викингов / Пер. с англ., фр. и дисл. И.Свердлова. Москва: Астрель: CORPUS, 2012. С. 325.
10. Saga o N'jale [Электр. ресурс]. М., 1956. URL: <http://norse.ulver.com/src/isl/njala/ru.html> (дата обращения: 27.08.2015).
11. Jakobsson S. Griðamal a ofriðarold. Islenska soguþingið. Raðstefnurit I. Eds. Guðmundur J. Guðmundsson, Eiríkur K. Björnsson. Reykjavík: Sagnfræðistofnun Háskóla Íslands, 1998. P. 117-134.
12. Thórláksson H. Hvað er blóðhefnd? // Sagnaþing helgað Jónasi Kristjánssyni sjötugum 10. Reykjavík, 1994. P. 389-414.

References

1. Sigurðsson J., Chieftains and Power in the Icelandic Commonwealth. Odense, 1999, p. 10.
2. Hausler A. Das Strafrecht der Isländersagas, Leipzig, 1911. 246 p.
3. Gurevich A. Ja. Kategorii srednevekovoi kultury [Categories of Medieval Culture. Moscow, 1984. 320 p.
4. Steblin-Kamenskij M. I. Mir Sagi [The Saga World]. Leningrad, 1971. 246 p.
5. Turner V. An anthropological approach to the Icelandic saga. London, 1971, pp. 349-79.
6. Byock J. Medieval Iceland: Society, Sagas and Power. Berkeley, 1990. 264 p.
7. Miller W. Bloodtaking and Peacemaking, Chicago, 1990. 415 p.
8. Peters E. Some Structural Aspects of the Feud among Camel-Herding Bedouin of Cyrenaica. Africa: Journal of the International African Institute, 1967, vol. 37, no. 3, pp. 261-282.
9. Byock J.L. Islandya ephoi vikingov [Viking Age Iceland]. Moscow, Astrel': CORPUS Publ., 2012, p. 325.
10. Saga o N'yale [Njals saga]. Available at: <http://norse.ulver.com/src/isl/njala/ru.html>. (accessed 27.08.2015).
11. Jakobsson S. Griðamal a ofriðarold. Islenska soguþingið. Raðstefnurit I. Eds. Guðmundur J. Guðmundsson, Eiríkur K. Björnsson. Reykjavík, Sagnfræðistofnun Háskóla Íslands, 1998, pp. 117-134.
12. Thórláksson H. blóðhefnd?“. Sagnaþing helgað Jónasi Kristjánssyni sjötugum 10. Reykjavík, 1994, pp. 389-414.